

ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ РЕШЕТКИ

АЧК-БЕЛАРУСЬ
2012

Брошюра "Портреты на фоне решетки" подготовлена коллективом АЧК-Беларусь в 2012 году. В ней вы найдете небольшие биографические очерки товарищей, которые отбывают сроки за решеткой. Больше информации вы можете найти на сайте www.abc-belarus.org.

Приносим свою благодарность коллективу "Радио свобода", непосредственно подготовившему портреты. Вводный текст "Дело беларуских анархистов" был написан больше года назад, однако мы посчитали, что он может быть полезен для понимания ситуации, из-за которой появилось само дело анархистов.

термины и не сообщать своего полного имени или имени других (в некоторых странах требуется давать полное имя и фамилию, но вряд ли они приедут сюда их проверять). Пиши также что находится в твоем в письме или посылке, чтобы заключенный мог проверить, было ли что-то задержано или нет. Отмечай в своем письме, если ты получил предыдущий ответ подозрительно позже, чем можно было ожидать. Если ты пишешь заключенному в Беларуси в первый раз, или его письма задерживались ранее, делай заказное письмо с уведомлением. Вложи чистый конверт с маркой, чтобы заключенный сам смог вести переписку. Если ты пишешь заключенному за границу, постарайся писать на языке понятном ему. Если такого нет, посылай открытки или фотографии.

•Будь всегда прямым и честным в переписке. Если тебя интересует регулярная переписка, сообщи об этом, и спроси какие темы ему интересны. Твое первое письмо должно быть достаточно коротким и прямым.

•Будь терпелив. Может быть заключенный долгое время не будет отвечать тебе, может быть у него не будет времени или сил ответить вообще. Бывает, что заключенные пишут циничные, злобные или безразличные письма - помни, что в прошлом многие “сочувствующие”, может быть, кидали их, давали невыполнимые обещания или может быть у заключенного был просто плохой день. Но отвечать на злобное письмо со злостью не стоит.

Чего нельзя делать при переписке

•Никогда не забывай, что сотрудники (охрана, менты, чекисты...) или даже другие заключенное могут прочитать твои письма. Никогда не сообщай ничего, что может повредить заключенному, тебе или твоим товарищам. Никогда не говори о деятельности, которая может попасть под действие уголовного кодекса.

•Не становись судьей, заключенный уже сидит за решеткой. Если ты имеешь с ним настолько серьезные политические разногласия, что не можешь молчать о них, или считаешь некоторые его мнения реакционными, об этом можно сообщить прямо, но без агрессии. Лучше не заниматься перепиской вообще, чем постоянно конфликтовать. Поддерживай самостоятельный выбор заключенного.

•Никогда не давай безосновательных обещаний. Если заключенный попросит что-нибудь, что ты не сможешь сделать немедленно, сообщи об этом сразу. У тебя нет обязательства выполнять любые желания.

•Романтика не нужна. Полезно понимать политический характер карательной системы, но не надо романтизировать заключенного, его деятельность и жизнь. Опасно предполагать что заключенный может обойти свои слабые стороны, быть полностью честен или свободен от манипуляции, поскольку он такой же человек, как и ты.

Дело белорусских анархистов

«Дело белорусских анархистов» было заведено после атаки на российское посольство в Минске 30 августа 2010 года, когда никому не известная группа «Друзья свободы» (ДС) бросила коктейль Молотова в машину, припаркованную на стоянке у дипломатического представительства Российской Федерации. Согласно заявлению ДС, это была своеобразная акция солидарности с российскими политическими заключёнными, протест против репрессий в России. Сама акция привела не к освобождению, а к преследованию уже белорусских анархистов. Другим итогом стал возросший, хоть и поверхностный интерес к анархистскому движению со стороны СМИ – как оппозиционных, так и официальных. Вне правозащитного аспекта дела, эволюция этого политического течения отражает общие тенденции общественно-политического активизма в Беларуси.

Нехватка кислорода

Западное общество уже привыкло к сообщениям о столкновениях между анархистами и полицией, карабинерами, спецназом и проч. Молодёжные бунты, радикальные студенческие протесты, оборона сквотов, протесты против политики воротил мира – всё это стало уже практически будничным для европейского обывателя. Сегодня, в контексте кризиса капиталистической экономики и радикализации социальных движений анархисты становятся ещё и удобным объектом демонизации со стороны неолиберальной пропаганды.

В 1999 в Сиэтле во время конференции Всемирной Торговой Организации была применена тактика радикальной конфронтации. С тех пор каждое подобное событие сопровождается блокадами, шествиями, митингами, палаточными лагерями, во время которых совершаются уличные погромы, нацеленные на символы и представительства власти и ТНК.

Все эти акции для анархистского движения носили особый смысл. Во-первых, это были акции силы, которые переводили вектор оппозиционной политической активности из пораженческого в наступательный, они демонстрировали решимость восстания, а не просто выпрашивание каких-то изменений. Зачастую действия т.н. "чёрного блока" действительно приводили к срыву заседаний крупных межправительственных институтов, властвующих судьбой человечества. Во-вторых, Чёрный Блок стал школой

уличной борьбы для целого поколения анархистов.

Тактика Чёрного Блока на Западе стала утрачивать эффективность тогда, когда полиция стран, в которых проводятся всевозможные G8, G20, съезды МВФ, НАФТА, ВТО и т.д., научилась давать отпор даже хорошо слаженным группам. В связи с этим оживились дискуссии о методах борьбы, в которых сквозила мысль о целесообразности «партизанской войны»: утрачивается смысл нападать на ненавистные структуры под прикрытием массовости и презумпции невиновности, когда полиция просто арестовывает всех людей в чёрном и в последующем уже более тщательно ищет доказательства виновности каждого из них. Более продуманным начинает считаться путь непрерывной конфронтации, когда город не так заполонён полицией и нападения никто не ждёт. У «партизанских» методов есть много преимуществ, таких как непосредственность и почти стопроцентная вероятность донесения «послания» адресату, возможность разведки и, как следствие, планирования урона, и в разы меньшая вероятность встретиться с полицией, а главное – их применимость даже в отсутствие широкомасштабных волнений и протестов. Есть и ряд условий, таких как необходимость отказаться от публичности, тщательно продумывать последствия своих действий в текущем политическом контексте и реально оценивать возможности противостояния репрессиям со стороны власти в отношении уже «засветившихся» товарищей.

Анархистское движение Восточной Европы во многом пытается перенимать опыт у западных активистов, но местная обстановка весьма отстаёт от общеевропейских тенденций. Здесь нет вообще никакой поддержки даже ненасильственных анархистских инициатив со стороны довольно консервативного населения. Что касается Беларуси, само население ещё очень неповоротливо в плане отстаивания своих прав и свобод, которые медленно, но верно сужаются не только при помощи законов, но даже одними директивами президента или публичными заявлениями представителей власти.

Часть белорусской молодёжи всё же допускает мысли о необходимости кардинальных социальных преобразований, и некоторые кое-как способны воспринять анархистские идеи. При этом сознание молодёжи часто ограничено общепринятой аксиомой, что от тебя здесь ничто не зависит и всё уже решено за тебя – почти 18 лет патернализма Лукашенко вырастили целое поколение... Одновременно нет никакой возможности для публичного политического самовыражения. При отсутствии какого бы то ни было диалога власти и общества самым решительно настроенным активистам отстаивание своих взглядов кажется возможным только путем конфронтации.

Институты, которые должны налаживать взаимодействие

ПАМЯТКА ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Цель переписки – устранить разрыв между миром за решеткой и внешним миром. Переписка помогает заключенным узнать, что происходит в их движении и обществе. Карательная система прилагает огромные усилия, чтобы усложнить или уничтожить связь заключенных с внешним миром. Контакт с заключенным помогает ему сопротивляться давлению системы, и защищает его от полной изоляции.

Часто люди не знают, что они могут писать заключенным, но на сам деле это совсем просто. Помни, что заключенные - такие же люди, как мы, у них такие же интересы и нужды как у всех людей. Раздели что-то из своей жизни с ними. Спроси, какая у них жизнь за решеткой, и что они собираются делать, когда их выпустят. Предложи помочь им каким-либо образом. Неожиданное письмо от сочувствующего нарушает ежедневную монотонность тюремной жизни.

Что нужно помнить при переписке:

•Поддерживай переписку только с таким количеством заключенных, с каким ты можешь ее выдерживать. Слишком часто бывало, что человек пытался держать связь с 10 заключенными одновременно, а затем был вынужден уменьшить объем переписки до 1 или 2 человек. Постоянная поддержка всегда более полезна, чем краткосрочная связь. Кроме этого, переписка не должна быть для вас просто обязаностью, заключенным всегда интереснее письма с содержательными мыслями.

•Необходимо узнать тюремные правила: что можно и что нельзя посылать заключенным, с которым вы ведете переписку. Спроси у заключенного, что можно и что нельзя посылать. В частности, в США многие тюрьмы имеют деспотическое регулирование, например книги можно посылать только прямо от издателей, только почтой первого класса, любые анархические символы или лозунги могут быть расценены как "призывы к бандитской деятельности", что дает повод задержать почту и т.д. В Беларуси количество бандеролей и посылок которые заключенный может получить ограничено, но количество обычных писем не ограничено. Правила можно также узнать непосредственно из тюрем, но не забывай, что сотрудники могут сообщить и ложную информацию. Не падай духом после отказа, оформляй жалобу и посылай письмо еще раз, поскольку возможно, что в этот раз их будет рассматривать другой цензор.

•Пиши дату, и обратный адрес в каждом письме. В качестве обратного адреса, старайся по возможности использовать почтовые

«Уважаемая бабушка, у меня все нормально. Здоровье и настроение хорошие. А то, что относятся ко мне хорошо - это правда, потому что я пишу об отношении ко мне других осужденных. Я сейчас читаю Библию - Ветхий Завет. Если будет возможность, сходи, пожалуйста, в костел, купи календарик на 2012 год, Катехизис и какую-нибудь иконку. Привет ксендзу Юрию. На этом все. Боритесь».

Оптимистичные письма пишет Евгений и друзьям. Вот отрывок из письма к Любови Каменевой: «У меня все хорошо. Настроение - хорошее... "Агульная млявасць і абыякавасць да жыцця" у меня отсутствует вовсе. Когда был в карцерах - здесь и в зоне - у меня появилось столько задумок... Даже не знаю, когда успею все записать».

Из письма Евгения Васьковича Павлу Северинцу: «Читаю роман Генрика Сенкевича "Огнем и мечом". Побольше бы нам таких рыцарей, как Скшатуски и Падбипятка, да таких военачальников, как Вишневецкий. Тогда бы Лукашенко не продержался и несколько лет».

АДРЕСА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

225295 Брестская обл. Ивацевичский район. ст. Доманово, отряд №2 ИК-22 “Волчьи норы”
Францкевичу Александру Владимировичу

211440, г. Новополоцк Витебской области, ул. Техническая, 8, отр. 12 ИК-10
Олиневичу Игорю Владимировичу

213004, г. Шклов, Могилёвская обл., ИК-17, ПКТ
Дедку Николаю Александровичу

212030, г. Могилев Славгородское шоссе, 3 км
Павел Сыромолотов ИК-19

212013, г. Могилев, Славгородское шоссе, 183, ИК-15
Артем Прокопенко

212011, г. Могилев, ул. Крупской, 99А, тюрьма №4
Васьковичу Евгению Сергеевичу

государства и гражданского общества, в Беларуси находятся в зачаточном состоянии. Общественные объединения не могут участвовать в управлении ни на местном, ни на республиканском уровне. Такие структуры, как Федерация Профсоюзов Беларуси (ФПБ), давно уже не отстаивают права трудящихся. Основать независимый профсоюз в стране нереально. А лучшее, на что способны подконтрольные белорусские профсоюзы – это контролировать своих участников и помогать достигать «соглашения» между работником и нанимателем, где интересы работника всегда оказываются на заднем плане.

По этим причинам 1 мая 2010 года, в международный день солидарности трудящихся, группа анархистов выбрала своей целью именно здание Федерации Профсоюзов Беларуси. На входе в здание было разбито несколько стёкол, внутрь заброшен фальш-фаер. Рядом оставлена надпись: "Долой бюрократов!". Пресс-релиз был опубликован на сайте belarus.indymedia.org, на котором публикация новостей осуществляется по открытому принципу. Но следствие это не волновало: оно вряд ли и подозревало о возможности существования сайтов, на которых могут публиковаться разные инициативы. На этом же сайте висело приглашение от совершенно другой группы на открытый семинар образовательной инициативы «Беспартшкола», куда пришли не только желающие расширить свой кругозор, но и отряд спецназа и людей в штатском. «Беспартшкола» и её посетители не имели никакого отношения к атаке на ФПБ - через несколько часов всех отпустили. Но этот семинар стал последним. Абсолютно мирная инициатива, которая собирала от 20 до 50 посетителей за вечер, не была готова к таким налётам. Презумпция невиновности в Беларуси не спасает от побоев, снятия отпечатков пальцев, фотографирования.

Дальнейшее закручивание гаек привело к тому, что и в своей субкультурной среде анархистски настроенная часть молодёжи не могла самореализовываться: даже концерты снова стали подвергаться атакам репрессивных органов.

На фоне того, что происходит, аргументы сторонников «партизанской тактики» начали казаться более правильными и наводить на следующие выводы: во-первых, публичность лишь подставляет активистов под удар, во-вторых, в сложившихся условиях легальная и полулегальная деятельность едва выполняет свою задачу привлечения новых людей, в-третьих, влияние мирных инициатив на широкие массы посредством СМИ остается минимальным. Репрессии властей и инертность масс срабатывали как вызов к конфронтации. Поэтому 2009 и 2010 годы были особенно богаты радикальными акциями, ответственность за которые на себя брали белорусские анархистские группы.

От слов к делу

«Отправной точкой» перехода от пикетов и раздач листовок к более заметным действиям было антивоенное шествие против совместных российско-белорусских военных учений, проведённое возле здания Генерального Штаба Армии в сентябре 2009 года. Толки по поводу дорогостоящих широкомасштабных учений бурлили среди той части населения, которая следит за новостями, но выразить протест решились только анархисты. Они прошлись возле Генштаба с баннерами и лозунгами «Народ голодает – политики играют», «Власть рождает паразитов» и «Армия – рабство», и напоследок на территорию Штаба прилетела дымовая шашка.

После антивоенного шествия стали происходить и другие акции, где использовались не только листовки, баннеры и мегафоны, но и пиротехника и коктейли Молотова: нападение на казино "Шангри-Ла" в Минске с использованием лампочек с краской и фальш-фаера в знак протеста против массового открытия российских казино в Беларуси после указа, запрещающего казино в России; атака опорного пункта милиции в Солигорске, приуроченная к единым дням действий против полицейского беспредела в Беларуси (в разбитое окно брошен фальш-фаер); атака на ФПБ, о которой речь идет выше; поджог дверей отделения Беларусбанка в Минске в знак протеста против существующей финансовой системы.

Несмотря на использование новых методов, эти акции продолжали носить символический характер – ущерб от них нельзя назвать значительным. Их главный плюс – это медиа-эффект. Однако, пресс-релиз перепечатывали только отдельные оппозиционно-настроенные СМИ. Официальные же в лучшем случае ограничивались констатацией факта, в худшем – распространялись домыслами и суждениями, выставляющими анархистов безмотивными агрессорами и безмозглыми хулиганами, что вообще является характерной их реакцией на любую оппозиционную деятельность в Беларуси.

Состоявшаяся 30 августа 2010 года атака коктейлями Молотова на российское посольство, лишившая заднего стекла автомобиль, припаркованный на его территории, послужила спусковым крючком репрессий, обрушившихся на белорусское либертарное движение. На допросах некоторым так и было сказано: "Мы вас долго терпели, но вы вконец обнаглели".

Согласно пресс-релизу, акция была направлена против ареста активистов движения за сохранение вырубаемого леса в подмосковном городе Химки. Впервые все услышали о существовании в Беларуси некой радикальной группы "Друзья Свободы". Это был теоретически правильный ход с точки зрения затрагивания других активистов: если раньше все называли себя анархистами, вне зависимости от предпочитаемых методов работы, то теперь выделилась отдельная

чем-то не разделяет его взглядов, не одобряет некоторые поступки, но всегда старается понять внука:

"Он такой патриот, за Беларусь. Я говорю: "Женечка, ну зачем тебе эта борьба? Это же твоя родина и моя родина". А он говорил: "Я за Беларусь. Я литвин".

Хобби Евгения - история, беларусчина, говорит его подруга Любовь Каменева:

«Однажды мы вместе ездили на встречу со студентами-историками на тему Грюнвальдской битвы, так он так ответственно отнесся к приглашению, что подготовил доклад на 7 листов на белорусском языке. Вместе с переводом мы слушали доклад почти весь день. Было видно, что все, что касается современной и древней Беларуси, охватывает Евгения полностью. Он прекрасно знает историю, даже интересуется языками, существовавшими на территории Беларуси еще в XIII веке».

Павел Северинец не так давно опубликовал в «Нашей Ниве» эссе о Евгении, которое назвал «Улыбка Васьковича»:

«Улыбка - это просто его сущность. Он всегда всем улыбается: знакомым, незнакомым. Здоровается абсолютно со всеми. Я просто мало таких людей видел. Такое впечатление, что по Карнеги человек живет. Обаятельный. Католик».

Бабушка Тамара Владимировна очень гордится воспитанием внука:

«Очень вежливый мальчик, любит всем помочь. Если видит, что старушка идет, всегда сумочку ей поднесет…»

Подруга Евгения Люба Каменева говорит, что Евгений у нее всегда ассоциируется с позитивом:

«Он всегда улыбается, всегда в хорошем настроении. Помню, когда его задержали за то, что на хоккейном матче он развернул бело-красно-белый флаг, и за это сильно избили, он вспоминал это с улыбкой. Он настоящий борец».

Сколько дней Евгений провел в штрафном изоляторе, карцере за неподчинение, подсчитать трудно. В октябре Евгения перевели из колонии в Могилевскую тюрьму, так называемую «крытку», с формулировкой «за многочисленные нарушения режима (типа отказа гулять под дождем, требования Библии). Уже в тюрьме с 10 по 24 декабря сидел в ШИЗО. Потом, не выходя, получил еще 10 суток. 6 января - вновь 10 суток. 18 января в тюрьме Евгения посетили мать Рушания и бабушка Зоя. Разговаривали в течение часа через стекло. Госпожа Рушания полагает, что тюремщиков злит то, что Евгений все делает с улыбкой. Но держится он достойно, утешает родных, что им на свободе тяжелее, чем ему в тюрьме.

Бабушка Тамара Владимировна не надеется, что скоро увидит внука, поэтому не устает перечитывать его письма. Только что получила новое:

ЕВГЕНИЙ ВАСЬКОВИЧ

Евгений Васькович родился в Бобруйске 26 февраля 1990 года в семье рабочих. Учился заочно на журналистском отделении филологического факультета Могилевского государственного университета имени Кулешова. Работал в газете «Бобруйский курьер». В мае 2011 года Евгений Васькович был осужден вместе с Артемом Прокопенко и Павлом Сыромолотовым на 7 лет лишения свободы в колонии усиленного режима за попытку поджога в ночь на 17 октября 2010 года здания Бобруйского КГБ, в которое были брошены бутылки с зажигательной смесью.

Сначала отбывал наказание в Могилевской колонии № 15, а 12 октября 2011 года переведен на более строгий режим в так называемую «крытку» - Могилевскую тюрьму № 4. И там уже несколько раз попадал в штрафной изолятор за неподчинение.

На оглашении приговора Евгений Васькович заявил, что не сожалеет о содеянном, что считает себя литвином, а своим долгом - защищать национальные белорусские ценности: «За них я умереть готов, потому что жизнь коротка, а родина вечна. Я не боюсь трудностей и с достоинством их преодолею». И закончил свое последнее слово на судебном процессе возгласом «Жыве Беларусь!».

Евгений не любит, когда его за такой неординарный поступок называют анархистом. В одном из своих писем из заключения он пишет: «Сделайте, пожалуйста, чтобы в прессе меня перестали называть анархистом. Я был, есть и буду националистом».

Друг Евгения Павел Северинец: «Он абсолютно открытый парень. Единственное - у него такой ярый патриотизм, который в любом нормальном обществе считался бы просто нормальным патриотизмом. А он, как человек действия, хочет просто действовать - потому что он патриот, а вокруг такая происходит несправедливость. Это его, видимо, и толкнуло бросать бутылку, хотя я ему писал много раз, что это не наши методы, и нам нужно стараться побеждать зло добром».

Самый дорогой для Евгения человек, пожалуй, его бабушка Тамара Владимировна. У них очень трепетные и нежные отношения. Бабушка в

радикальная группа, к которой мирно настроеные активисты не имеют отношения. Это сработало бы, если бы эта акция не пришлась на пик обострений отношений между руководствам России и Беларуси. Сам пресс-релиз был выпущен на той же belarus.indymedia.org с опозданием на три дня, за которые власти двух стран успели взаимно обвинить друг друга в провокациях. МИД России потребовало тщательного расследования этого дела – для нормализации отношений катастрофически необходимо было распутать клубок домыслов и теорий провокаций.

Поэтому 3 сентября 2010 года 7 человек были задержаны управлением по борьбе с организованной преступностью и помещены в ИВС. В это время происходит ещё одна радикальная акция: «Друзья Свободы» атакуют коктейлями Молотова снаружи ворота ИВС, где содержатся задержанные, а в пресс-релизе заявляют, что власти захватили не тех людей, и берут на себя ответственность за все радикальные эпизоды, по которым задержаны активисты анархистского движения.

Однако один из задержанных, Александр Францкевич, осуждённый на 3 года лишения свободы в колонии усиленного режима, всё же признался, что снимал нападение на пункт милиции в Солигорске на видео. Также ему инкриминируют взлом сайта Новополоцкого горисплокома, на котором был помещён памфлет под названием "Кто украл наше счастье?". Вот некоторые выдержки из него: "*Зачем мы живем? Для того, чтобы треть своей жизни проводить на рабочем месте? Для того, чтобы, как заведенные, делать одно и то же на протяжении недель, месяцев, лет?.. Жизнь абсолютного большинства из нас - это спектакль, расписанный до последней мелочи, и расписанный, в основном, без нашего участия...*" В своём последнем слове в суде Александр скажет: "*Единственная точка преткновения, по моему опыту общения, – это покорность: покорность прокурору, покорность суду, покорность признать вину...*"

Другой, Николай Дедок, содержится в ИВС, каждые три дня будучи перезадержанным по новому делу. Порочная практика непрерывных перезадержаний в отсутствие конкретных поводов к обвинению была взята на вооружение и применялась и к другим активистам, адвокаты не могли найти своих подопечных по несколько суток, тогда как процессуальный кодекс гарантирует защитника в течение 24 часов. В целом по стране прошли через «беседы» (неофициальные допросы), допросы и обыски около сотни человек. Наконец Николаю предъявляют обвинение в организации акции против военных учений Запад-2009. Николай твёрдо отрицает свою вину. Ему угрожают физической расправой, проблемами в камере и по месту отбывания наказания с другими заключенными, но это не сработало —

признательных показаний от него так и не добились, а никаких других доказательств не было. За это время органы находят свидетелей, которые под давлением следствия утверждают, что он также организовал акции против казино и Дома профсоюзов, что даёт основание осудить Николая на 4,5 года лишения свободы в колонии общего режима. Свидетелям угрожали проблемами на работе и по месту обучения, в том числе и проблемами у родителей, на Окрестина угрожали сексуальным насилием, из некоторых нужные показания пытались выбить физически.

Международная кампания ширилась: акции солидарности прокатились по Европе, России, где проводились в основном мирные пикеты, и даже Мексике, где состоялись нападения на банки.

Однако и в Беларуси радикальные методы борьбы нашли свое продолжение. В октябре в знак солидарности был атакован котейлями Молотова отдел КГБ в Бобруйске. Интересно, что группа, которую позже осудят за этот инцидент, тоже назвалась «Друзьями свободы», однако познакомились они с остальными фигурантами «дела Анархистов» только в зале суда. Евгений Васькович, который вообще не был анархистом, а был членом… консервативной (незарегистрированной) партии Беларуская Христианская Демократия и местной ячейки Молодого Фронта, был пойман не сразу, а только 19 декабря, во время массовых протестов против фальсификации результатов очередных выборов президента. Ему, как и другим обвиняемым в инциденте, Павлу Сыромолотову и Артёму Прокопенко, присуждено 7 лет лишения свободы в колонии усиленного режима. Доводы обвинения строились на предположениях, что могло бы произойти, но не произошло: обвинение нафантазировало 2 миллиарда белорусских рублей возможного ущерба при 253 тысячах фактического. В своём последнем слове Евгений Васькович заявил, что не жалеет о содеянном: он пытался защитить исконные белорусские ценности и перенесёт все трудности, с которыми ему придётся столкнуться в тюрьме.

17 ноября задержан Денис Быстрик, ему говорят, что ранее пойманный Максим Веткин признал свою вину в атаке на Российское посольство и Беларусбанк и свидетельствует против него. Денис в свою очередь сознаётся, что снимал на видео инцидент у Российского посольства. Ему предлагают помочь следствию найти двух беглецов, обвиняемых по делу анархистов: не надо было ничего делать – просто выйти на связь и договориться с ними о встрече. Однако это в планы Дениса не входило: его отпускают под подписку о невыезде, и он покидает страну. Впоследствии он письменно отказывается от своих показаний и утверждает, что подписал их под давлением, но на исход дела это никак не влияет.

«Что показало Белорусское телевидение - там на самом деле очень много фарса, как любит БТ. Я не думаю, что там большинство правды было, потому что этот материал однозначно был заказной и сфабрикован. В отношении Артема это все бессмыслица на самом деле. Причем там было еще что-то про фашизм. Артем был ярым антифашистом, у него антифашистская позиция».

До сих пор многие бывшие друзья Артема боятся даже вспоминать о нем. Сказать доброе слово согласились лишь двое. Подруга Аня, которая пишет Артему письма в тюрьму, поддерживает его:

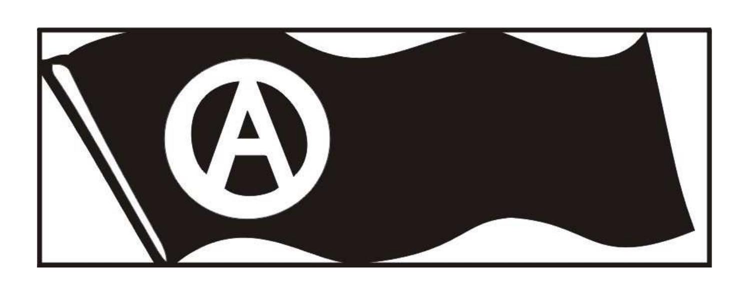
«Человек он чрезвычайно оригинальный, интересный. На него всегда можно положиться. Он очень добрый, свободолюбивый. В психологии очень хорошо разбирался, хороший психолог был. До колонии он был вегетарианцем, и среди нас пропаганду вел вегетарианскую. Любил путешествовать автостопом. Я в Витебске училась, и он ко мне приезжал из Бобруйска автостопом. В Минск ездил на концерты, в Молодечно, в Барановичи».

Школьный друг Артема Александр говорит:

«Прекрасный человек был, всегда приходил на помощь, откликался на любую просьбу. Он учился на экономиста, с ним на темы экономики очень интересно было разговаривать. Мы пересекались на различных концертах. Артем интересовался музыкой, постоянно, так сказать, в теме был».

Сейчас Артем Прокопенко отбывает семилетнее наказание в Могилевской колонии. Он отказался писать прошение о помиловании. На данный момент мама очень переживает за сына:

«Там хотя бы выжить. Артем не ест ни мяса, ни рыбы, на одних кашах сидит. Сейчас не работает, говорит, что работы нет».

такое мнение:

«Первой реакции у людей, близких к анархистским кругам была такая: что это вообще неизвестно кто, действительно ли они это сделали, или ребят просто подставили? О них никто ничего не знает, будто бы их вообще нет. Мне кажется, что милиционеры и КГБ с самого начала стали говорить: "Ну что вы, какие они анархисты, обычные ребята. Давайте вы пойдете на сотрудничество, мы тут потихоньку все замнем..." А в итоге ничего не сделали. А еще и напугали всех: мол, вы сидите и молчите, чтобы о них ничего не всплывало».

Если о политзаключенных, которые пострадали за 19 декабря, рассказывали СМИ, в их поддержку устраивали пикеты, то об осужденных за попытку поджога бобруйского КГБ действительно почти никто не знал. Долго не шли на контакты с журналистами и родные - боялись, чтобы не навредить. Осенью 2011 года белорусские правозащитники признали Васьковича, Сыромолотава и Прокопенко, а также анархистов Дедка, Олиневича и Францкевича политическими заключенными. Были ли анархистами поджигатели дверей Бобруйского КГБ? Мать Прокопенко Виолетта говорит:

«Может, он и хотел быть каким-то анархистом. Но какой из него анархист? У него только майка со знаком анархии была».

Корреспондент: «Ну, а какие-то работы серьезных теоретиков анархизма читал?»

«Я думаю, что нет... Думаю, нет».

А вот подруга Артема Анна утверждает обратное:

«Артем называл себя анархистом, читал Кропоткина, Бакунина и даже цитаты какие-то из них всегда приводил. Эти взгляды старался донести до остальных, мне много чего рассказывал... И их поступок, как я понимаю, был в знак солидарности с минскими ребятами».

Во время следствия спецслужбы долго допрашивали всех знакомых Артема Прокопенко, сокурсников, соседей по общежитию. И запугали, да так, что некоторые бывшие близкие друзья дали показания против него, говорит мама:

«Он дружил с Петровым, который против него давал показания. До этого этот парень к нам приезжал в гости пару раз, они дружили. А потом тот дал показания, что Артем ему предлагал это осуществить. Один такой друг бобруйский, и один гродненский - Тарасик, которые всякую чушь на него наговорили, хотя Артем всегда за них заступался».

Настоящих друзей Прокопенко очень возмутил фильм Белорусского телевидения «Анархия. Прямое действие». Школьный друг Александр говорит:

Выгоды и цена вынужденного сближения с оппозицией

Однако такой план срабатывает с другим из задержанных – Антоном Лаптёнком. Он соглашается назначить встречу с беглецами, в то время как за ним установлена слежка. В Москве Игорь Олиневич и Дмитрий Дубовский пришли на встречу с ним. Антон Лаптёнок не пришел – вместо него прибыли сотрудники ФСБ. Дима успел сбежать и до сих пор не пойман благодаря своей крайней осторожности, Игорь — не успел. Ни о каких правилах экстрадиции не шло и речи. По его словам, в течение суток во время транспортировки он был скован наручниками, часть дороги ехал с надвинутой на лицо кепкой, уткнутый головой в сиденье. В СИЗО КГБ сразу не допрашивали, а заставляли сознаться, применяли изощрённое психологическое давление, инсценировали звонки больной бабушке посреди ночи, чтобы сообщить о его задержании. Он долгое время содержится в изоляторе КГБ и обвиняется в атаке на Российское посольство, атаке на ИВС по ул. Окрестина, а также в организации антимилитаристского шествия. Игорь признаёт, что участвовал в вышеупомянутом шествии, но преступлением это не считает. Правозащитники также уверены, что это обвинение вовсе не содержит состава уголовного преступления. Что касается остальных эпизодов, свою вину Игорь не признаёт, однако ряд косвенных улик и выбитых показаний свидетелей позволяет суду осудить его на 8 лет лишения свободы в колонии усиленного режима. В своем последнем слове он говорит: "*Действия правоохранительных органов по привлечению меня в качестве злого гения я считаю попыткой оказать давление на анархистское движение Беларуси, показать, что любой может быть обвинен, неважно – активный участник или сочувствующий*".

Других обвиняемых признательные показания не спасли: Максим Веткин осуждён на 4, а Евгений Силивончик - на 1,5 года ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа. Однако главные свидетели Захар Конофальский и Юнес Акдиф остаются на свободе, несмотря на непосредственное участие в акциях.

Во время прения сторон прокурор заявил, что дело не является политическим. При этом он указал: "*Они противопоставляют себя обществу. Они против всех: против МВД, государства, посольств. Они не признают законов, кроме законов физики и химии*".

Правозащита впоследствии заключит: в ходе судебного разбирательства не в полной мере соблюдался принцип равенства сторон по представлению доказательств; обоснованные ходатайства защиты, в том числе о допросе свидетелей, часто судом не удовлетворялись, что негативно влияло на объективное и всестороннее рассмотрение дела судом и свидетельствовало об обвинительном уклоне судебного процесса в целом.

Все эти события происходили на фоне подготовки к переизбранию президента А.Г.Лукашенко и уже после выборов. Отчасти этим можно объяснить суетный и напряженный ход следствия, взаимодействие МВД и спецслужб, которые в Беларуси изначально конфликтуют.

Анархистское движение в Беларуси на осень-весну 2010-2011 годов было вынуждено приостановить текущую активность и заняться внутренними вопросами и такими инициативами, как Анархистский Чёрный Крест — международная сеть взаимопомощи и солидарности с заключёнными товарищами. К сожалению, оно оказалось не готовым к подобным репрессиям из-за своей немногочисленности и относительной автономности, благодаря которой могло оставаться независимым движением. Все предыдущие годы анархисты были достаточно осторожны: они не могли позволить себе продолжительные акции в центре города, после которых арест гарантирован на 95%, как могла белорусская оппозиция благодаря имеющейся финансовой и юридической поддержке с Запада, и очень редко подвергались арестам «на месте происшествия». Они отказывались идти по проторенной дорожке и пополнять списки осознанных жертв режима. Из-за этого их порой пытались уличить даже в сотрудничестве с органами государственной безопасности (sic!). Но избежать репрессий все же не удалось, поэтому в ходе кампании поддержки всё же было налажено взаимодействие с оппозиционно настроенными СМИ и правозащитой, некоторым активистам пришлось выйти из тени, было сделано много выводов. Быть анархистом в Беларуси только кажется удобным: на самом деле это требует большой решимости и постоянного напряжения ума. Для анархистов не существует директив и гарантированных покровителей, есть только собственная совесть и постоянная необходимость выработки новых стратегий, которые постепенно перенимаются другими оппозиционно настроенными движениями.

И в то время, как «декабристы» имеют все шансы в скором времени выйти на свободу (режим вынужден будет освободить всех политзаключённых, надеясь таким образом хоть как-то нормализовать отношения с Европой), то для осуждённых по «делу анархистов» эта перспектива не является настолько же очевидной. Если судить по несоразмерности «преступлений» (которые они тоже не признали) и наказаний, абсолютно логичным было бы включить их в этот список. Но будет ли кому за них заступиться в евроструктурах?

А.ЖИНЕВИЧ, социолог, общественный активист

дверей КГБ, и особенно приговор - 7 лет лишения свободы - были для них как гром среди ясного неба...

«Я сама была на суде, я видела эту прокуроршу, которая их обвиняла, я видела судью, который вел процесс. Это ужас... Я кричала потом, после этого суда, когда все остальные матери молчали. Я не выдержала: «Вы что, не видите, кого вы судите? Действительно, есть отморозки. А это нормальные дети, и так перечеркнете им жизнь...»

Политолог Александр Федута высказал такое мнение, о поступке Васьковича, Сыромолотава и Прокопенко и приговора им:

«Поступок этих молодых людей был символический, и ответ они получили символический. "Вы не довольны, что мы существуем как институция? Ну так получите тот максимум, который вы можете получить. Вы не довольны тем, что мы контролируем все ваши действия? Ну, получите тот срок по полной, который мы можем вам дать". Это институциональная месть, месть ведомства. Понимаете, если бы они попытались таким же образом поджечь крыльцо, например, какого-нибудь сельского клуба или сельской бани, они бы получили как за мелкое хулиганство штраф или что-то еще А тут - 7 лет. Именно за то, что их поступок был политически мотивирован».

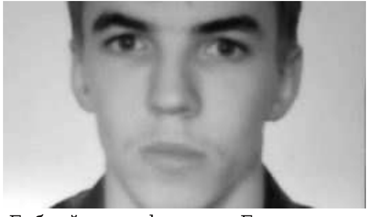
Родные до сих пор анализируют, почему Артем пошел на такой неординарный шаг - провести акцию солидарности с анархистами Николаем Дедком, Игорем Олиневичем и Александром Францкевичем. Мама Артема Прокопенко Виолетта высказывает мысль, что, может, слишком начитался фантастики:

«С детства он книжки читал, научной фантастикой увлекался, особенно Азимовым, Саймаком. Я ему и в тюрьму передала все эти книжки. Там они и остались. Может, он фантастики перечитал? Может, у него и были какие-то свои представления об обществе, не такие, которые он видел».

А может, потому Артем решился на такой поступок, что всегда стремился быть неординарным, хотел внешне чем-то выделиться среди других:

«Он всегда хотел выделяться. Мог себе сделать ирокез, покрасить волосы: то ему нужно было стать красным, то белым, то черным. Даже если мы подавали документы в Минский университет, сидел ректор Бобруйского филиала, и когда мы сказали, что туда пойдем, ректор говорит: "Хорошо, нам такие неординарные нужны". Посмотрел на его баллы - по сравнению с другими баллы у Артема были неплохие».

После попытки поджечь дверь Бобруйского КГБ Васьковича, Сырамалотава и Прокопенко с легкой руки то ли спецслужб, то ли журналистов стали называть анархистами. Один из сторонников анархистского движения, гродненец Александр Денисов высказал

АРТЕМ ПРОКОПЕНКО

Артем Прокопенко родился 27 июля 1990 года в Гродно. Родители - программисты. До ареста учился на факультете менеджмента Бобруйского филиала Белорусского государственного экономического университета.

Взят под стражу 17 января 2011 года за попытку поджога здания бобруйского КГБ в ночь на 17 октября 2010, в который были брошены бутылки с зажигательной смесью. 18 мая 2011 года вместе с Евгением Васьковичем и Павлом Сыромолотавым приговорен бобруйским судом к 7 годам лишения свободы (ч. 2 статьи 339 - злостное хулиганство, и ч. 3 статьи 218 УК РБ - порча имущества опасным способом в особо крупном размере). Отбывает наказание в колонии № 15 в Могилеве.

Артем - средний ребенок в семье. У него еще две сестры. Родители с детства прививали единственному сыну интерес к спорту, воспитывали как настоящего мужчину. Рассказывает мама Артема госпожа Виолетта:

«В детстве я его водила на гимнастику, он очень подвижный и гибкий был. Где-то в первом классе, отец его отвел на шахматы. А в третьем классе он познакомился с тренером по борьбе и пошел в секцию. Греко-римской борьбой он занимался лет 5, наверное».

В школе увлекался компьютерами, рок-музыкой, пытался организовать рок-группу. Старшая сестра Артема уже окончила университет, по профессии экономист. По её следам пошел и он, говорит мама Виолетта:

«Парень умный, но непоседливый. Он учился в гимназии с английским языком. В 11 классе нанимали ему репетитора по математике. Подавали документы в Минск, в экономический университет. Но централизованное тестирование он слабовато написал, на бюджет он не проходил, только на платное отделение. В результате он поступил в Бобруйский филиал экономического университета, на факультет менеджмента, специальность - экономическая информатика».

Кстати, и младшая сестра Артёма тоже поступила на экономику. Родители не побоялись отпустить Артема, спокойного, домашнего мальчика, учиться в другой город. Он жил в Бобруйске в студенческом общежитии, учился довольно успешно. И поступок сына с поджогом

АЛЕКСАНДР ФРАНЦКЕВИЧ

Александр Францкевич родился 6 мая 1990 года в Новополоцке. Окончил лицей, работал программистом сначала в родном городе, а потом переехал в Минск и работал в тое же сфере в столице. В сентябре 2010 года его арестовали по делу анархистов. 24 мая 2011 года Заводской суд Минска вынес обвинительные приговоры Александру Францкевичу (3 года лишения свободы), Николаю Дедку (4,5 года) и Игорю Олиневича (8 лет заключения). Молодые люди были осуждены на длительные сроки по обвинению в совершении ряда политических акций, в том числе и за нападение на посольство России в Минске в августе 2010 года. Францкевич дополнительно был осужден еще и за «компьютерный саботаж» и «разработку, использование или распространение вредоносных компьютерных программ».

В октябре 2011 года Правозащитный центр «Вясна» и Белорусский Хельсинкский Комитет признали Игоря Олиневича, Николая Дедка, Александра Францкевича политическими заключенными.

Татьяна Францкевич воспитывала сына одна. Когда они с мужем развелись, Саше было 6 лет, а потом отец погиб в автомобильной катастрофе. У матери никогда не было проблем с Сашей. Татьяна говорит, что сын всегда очень хорошо учился:

«Особенно легко ему давались такие предметы, как математика и программирование. Он много читал, причем, я не заставляла его читать. Уроки тоже делал самостоятельно. Участвовал в олимпиадах, а по математике и программированию занимал всегда первые места. Сначала учился в школе с уклоном углубленного изучения английского и немецкого языка, а в 10 - 11 классах перешел в лицей, там был факультет программирования».

Школьная подруга Александра Францкевича Анастасия рассказала:

«Саша уже тогда очень приятно выделялся на фоне остальных. Он очень много читал, серьезно увлекался историей, фантастикой. Всегда у него была своеобразная точка зрения. С ним было очень интересно спорить, потому что его мнение было объективным. От него можно было узнать много нового и интересного. И чего бы ни касался разговор, ему всегда надо было докопаться именно до истины вопроса

и спорить по существу вопроса».

После окончания лицея Александр хотел продолжить учебу в одном из университетов Болгарии, но получить бесплатный грант не удалось, рассказала мама Татьяна:

«Пришел ответ, что его возьмут только при условии, что половину стоимости обучения мы будем сами оплачивать. Мы с ним решили, что не потянем, денег у нас не хватит. И Саша пошел работать. Сначала работал программистом в одной коммерческой фирме в Новополоцке".

Однако в Новополоцке зарплаты не большие, и Александр решил переехать в Минск. Самостоятельно нашел хорошую работу, снял квартиру, материально помогал матери:

«Коллеги на работе его ценят и поныне поддерживают меня, говорят, что Саша очень умный, толковый программист. И до сих пор за ним сохраняется рабочее место в коммерческой фирме. Это, конечно, большая поддержка с их стороны».

Бывший политзаключенный Павел Виноградов отбывал наказание в Ивацевичской колонии «Волчьи норы» вместе с Александром Францкевичем:

«Он достаточно самостоятельный парень. Сам родом из Новополоцка, переехал в Минск, устроился на работу, снимал квартиру, помогал еще своим друзьям-анархистам. Парень он очень образованный и очень начитанный, и хотя читает он литературу вроде Маркса и Энгельса, "Капитала" и Кропоткина, подобных авторов, которых я не совсем поддерживаю. Но он создает впечатление умного и начитанного парня. К тому же, он работал программистом, делал игры для "айфонов", поэтому человек он далеко не глупый».

Увлекся идеями анархистов Александр уже в Минске, говорит мама Татьяна:

«Саша начинал в "Антифа" - такая организация есть в Новополоцке, которая борется с нацистами. У нас в городе тоже большая организация нацистов. И он как-то с ними столкнулся и поставил цель: не должно быть такой организации в Беларуси. Ну а насчет анархистов - это уже когда он переехал в Минск. Появились друзья, которые придерживаются таких взглядов. Но я не думаю, что это плохие парни. С кем я ни говорила - это очень умные, толковые ребята».

Задержали Александра Францкевича в сентябре 2010 года по делу анархистов. Сначала Францкевича обвиняли только в том, что снимал на видео нападение на опорный пункт милиции в Солигорске. А 14 февраля 2011 года ему вынесли новое обвинение: там были и солигорское нападение, и участие в акции протеста у здания Генерального штаба, и взлом сайта новополоцкой администрации.

кому-то не хотелось их предотвратить».

Кстати, Олиневич, Дедок, Францкевич сами называют себя идейными анархистами, читали Бакунина, Кропоткина, Махно. Что касается Васьковича, Прокопенко и Сыромолотава, их почему-то в СМИ и даже во время суда также приобщили к анархистам. Евгений Васькович, к примеру, в письмах из тюрьмы на волю даже обращался к журналистам: «Не называйте меня анархистом. Я националист».

Вот и мать Евгения Васьковича, Рушания, возмущается:

«Да какие они анархисты, я вас умоляю... Лишь бы что говорят, чтобы больше внимания на них обращали. Им до анархистов - как к космосу пешком. Бестолковые, решили погеройствовать. Ну и погеройствовали на 7 лет. И учеба, и все на свете пошло насмарку. Никогда с властью, особенно с КГБ, никто без последствий не воевал, всегда были последствия. Вот так и у них».

Один из сторонников анархистского движения, гродненец Александр Денисов, высказал такое мнение:

«Первой реакцией у людей, близких к анархистским кругам, была такая: что это вообще, неизвестно кто, действительно ли они это делали, или ребят просто подставили? Поэтому я вам скажу так: это какая-то молодежь, новое поколение, которое пошло более радикальным путем, и они сразу были на каком-то таком уровне, что ни с кем не тусовались. Мне так кажется, что они сначала поставили задачу, чтобы создавать подобные автономные маленькие общины и чтобы не общаться ни с кем».

Их родители прошли все инстанции. Но и Верховный суд отклонил все жалобы. Беларуские правозащитники признали Павла Сырамалотава и осужденных вместе с ним Евгения Васьковича и Артема Прокопенко политическими заключенными.

Отбывает наказание Сыромолотов в Могилеве, в колонии № 19. Дважды родные были на встречах с Павлом: на коротком и на долгосрочном:

«Ну, что рассказывает... Говорит, что на зоне вообще сложно. Рассказывал, что у него два взыскания или замечания, но отказался комментировать, за что. На зоне несладко, сами понимаете... Он почти ничего не рассказывает, говорит: "Мама, это не обсуждается". Худой, одни кости. Вид у него, конечно, страшный... Говорил, что после свидания он неделю отходил, будто бы только что снова посадили».

В июне 2012 Павел подписал прошение о помиловании, однако на момент написания брошюры (сентябрь 2012) все еще остается за решеткой.

кто-то поступил учиться, короче, распалась группа».

Ну, а что до увлечения Павла компьютером, у матери это даже вызывало тревогу:

«Я считаю, у него уже компьютерная зависимость была. За компьютером он сидел подолгу, и по 6 часов в день».

Поэтому мать никак не могла понять, когда физически ее сын мог найти время на какие-то тусовки, друзей: целый день - на работе, вечером - занятия в техникуме, потом музыка и компьютер...

Школьный друг Александр также поступком Павла был очень удивлен:

«Он был тихий и скромный. Сначала училище закончил, потом техникум хотел закончить. Ну, а дальше - кто бы знал... Насчет Павла я на 100% уверены, что это был какой-то опрометчивый шаг. Когда после всего я его увидел, у него был такой вид... Ну как вам сказать: будто бы он не понимал, на что шел. Такая форма протеста совершенно не нормальная. И вообще, не понимаю, как так получилось, какие идеи в его голову проникли - я без понятия!»

Попытку поджога Бобруйского КГБ Евгений Васькович, Артем Прокопенко и Павел Сыромолотов совершили 17 октября 2010 года. Арестовали их только через три месяца - 17 января 2011-го. Мать Павла Галина сих пор не может опомниться:

«Для нас это был шок. Даже когда его пришли забирать - а забирал ОМОН в масках, с автоматами, мы вообще думали, что это какая-то ошибка...»

Как объясняли сами ребята, акцию в Бобруйске они устроили в знак солидарности с анархистами Игорем Олиневичем, Николаем Дедком и Александром Фрацкевичем, обвиненными в попытках нападения на казино, антимилитаристском шествии около Генштаба, поджога здания российского посольства. И осужденными позже на серьезные сроки - от 3 до 8 лет.

Валерия Хотина, жена анархиста Николая Дедка, осужденного на 4,5 года якобы за участие в тех акциях протеста, рассказала:

«Я была очень удивлена акцией солидарности, которую устроили Васькович, Сыромолотов и Прокопенко. В то время, когда половина анархистского движения была до такой степени запугана допросами и тем, что людям грозили реальные сроки, - и тут три человека, из которых один был немного известен в определенных кругах, а про остальных вообще никто не знал, и они это делают в солидарность с нашими ребятами. Для меня это было очень странно. Потому что люди просто реально показали, что они готовы идти на такие шаги, поскольку ничего другого они не смогли сделать. В принципе, атаки на репрессивные структуры всегда имели и будут иметь место, как бы

Осудили Францкевича вместе с Николаем Дедком и Игорем Олиневичем. Ко всему этому, как программиста, его обвинили еще и в «компьютерном саботаже» и «разработке, использовании или распространении вредоносных программ».

Бывший сиделец «волчьих нор» Павел Виноградов, который подружился с Францкевичем в колонии и очень много общался с ним в тюрьме, говорит, что насильственных действий возле Российского посольства и Генштаба Францкевич не делал:

«Конкретно Францкевич снимал на видео, как два его дружка бросили файер в солигорский опорный пункт. Не могу сказать, что я поддерживаю такие методы борьбы, но то, что за съемки этого действия ему дали 3 года, справедливым я не считаю. Хотя, опять же, повторюсь, эти методы борьбы я не поддерживаю».

Подруга Александра Анастасия также убеждена, что он не делал всего того, в чем парня обвинили:

«У него было и сейчас осталось такое качество - он всегда был очень справедливым. Возможно, это можно назвать юношеским максимализмом, но эта черта сохранилась у него. Ему было очень важно защитить свою точку зрения, прислушаться к чужому мнению, высказать свое и дойти до истины».

Анархисты и в Минске, и в других городах Беларуси провели много акций по раздаче пищи бездомным, которая называется «Еда вместо бомб», а также собирали одежду для малоимущих. Кстати, в Минске, в Михайловском сквере, милиционеры эти акции зимой 2010 года жестоко разгоняли. Францкевич проводил подобные акции в Новополоцке, рассказала его мать Татьяна:

«Саша со своими друзьями устраивал в городе бесплатную раздачу еды для бездомных и пенсионеров. Сами варили кашу, шли на площадь и раздавали людям. Они организовывали ярмарки по обмену и раздаче одежды бедным бесплатно. Ездили в детский дом, возили детям конфеты, игрушки, карандаши».

Дважды в Ивацевичской колонии Александра Францкевича заставляли писать прошение о помиловании, но он отказался. Держится за решеткой достойно, твердо, говорит подруга Настя:

«Я очень восхищаюсь его характером. Письма от него всегда бодрые, он не теряет интереса к событиям, которые происходят здесь, на свободе. Он пишет, что и о той жизни, которая за решеткой, он также узнал много нового. И этот опыт очень ценен и важен для него».

ИГОРЬ ОЛИНЕВИЧ

Игорь Олиневич родился 24 сентября 1983 года. Специалист по радио-электронике. Работал в НПО «Пеленг», участвовал в соз-дании российско-беларуского спутника. 28 ноября 2010 года Олиневич был насильственно похищен белорусскими спецслужбами в Москве и помещен в «американку». Осужден 27 мая 2011 года по делу анархистов вместе с Николаем Дедком и Александром Францкевичем. Получил наибольший срок - 8 лет лишения свободы. Олиневича обвинили в организации антимилитаристкского шествия возле Генерального штаба 19 сентября 2009 года; нападении на казино «Шангри Ла» 5 декабря 2009 года; поджоге дверей филиала Беларусбанка 31 мая 2010 года; нападении на российское посольство 30 августа 2010 года; нападении на тюрьму по улице Окрестина 6 сентября 2010 года. Отбывает наказание в Новополоцкой колонии.

Молодофронтовец Алесь Киркевич, идейный противник анархиста Игоря Олиневича, назвал своего сокамерника по Новополоцкой колонии интеллектуалом:

«Время от времени мы говорили о Гуляйпольской республике, гражданской войне в Испании, военных званиях Вермахта и СС... До его уровня английского языка мне действительно было далеко - общаться на иностранном языке на философские категории мне было не под силу».

Языковую практику, кстати, Игорь получил на круизном лайнере в Карибском море - работал служащим на судне. Кто бы мог сомневаться в том, что даже там, под палящим солнцем и небом без единой тучки, звучали в английском произношении фамилии Бакунина, Кропоткина, Махно...

В школе Игорь Олиневич учился хорошо, занимался теннисом, борьбой. Никаких проблем даже в подростковом возрасте у родителей с Игорем не было. Вот что о нем говорит мать одноклассника Ирина, которая знает Игоря более 20 лет:

«Он когда к нам приходил - вот такое солнышко, такой вот приятный мальчик. Я всегда знала, что с ним всегда надежно, с ним я была уверена, что все будет хорошо и правильно, когда мой сын с Игорем. Он настолько глубоко порядочный парень, он настоящий! Не

ПАВЕЛ СЫРОМОЛОТОВ

Павел Сыромолотов родился 30 апреля 1991 года в Бобруйске. После школы окончил профтехучилище. Работал на заводе, учился в химико-технологическом техникуме на вечернем отделении.

Взят под стражу 17 января 2011 года за попытку поджога в ночь на 17 октября 2010 года здания Бобруйского КГБ, в который были брошены бутылки с зажигательной смесью. 18 мая 2011 года вместе с Евгением Васьковичем и Артемом Прокопенко приговорен бобруйским судом к 7 годам лишения свободы (ч. 2 статьи 339 - злостное хулиганство, и ч. 3 статьи 218 УК РБ - порча имущества опасным спообом в особо крупном размере). Фигурирует в некоторых списках политзаключенных с февраля 2012 г. Отбывает наказание в колонии № 19 в Могилеве.

Павел Сыромолотов рос самым обычным домашним мальчиком. У родителей с ним никогда не было проблем. В школе был середняком, поступил в ПТУ, получил специальность. Работал, пошел учиться дальше - в техникум, рассказала мать Павла Галина:

«Одновременно он работал на металлургическом заводе токарем-станочником и учился в химико-технологическом техникуме на теплоэнергетика. Времени у него не было. К примеру, до 5-и часов он работал, потом у него занятия. И до 10-и часов он был в техникуме. Он был спокойным, домашним ребенком. Никто не ожидал, что он полезет в политику».

У Павла было два увлечения - компьютер и музыка. Рассказывает одноклассник Алесь:

«Он увлекался музыкой, самостоятельно писал музыку в таких программах, как "FL Studio", электронную всякую. Самоучка он был. Когда-то мечтал стать музыкантом».

В школе Павел Сыромолотов с друзьями создал рок-группу, говорит мама Галина:

«Они играли тяжелый рок, а он играл на бас-гитаре. Писал какую-то музыку, аранжировки делал. А потом разошлись, так как

жизненная энергия и оптимизм. Николай изумлял также своей жаждой к знаниям, желанием извлечь максимум пользы из ситуации, если уж пришлось проходить такой «жизненный институт»: мы вместе допрашивали Фистона из Конго о его стране, он пытался учить персидский после знакомства с разговорчивым иранцем. Сломить его так и не смогли. После оглашения приговора он кричал: «Всем вы рты не заткнете! Всех не пересажаете!"

Жена Николая Валерия после долгосрочного свидания пришла к выводу, что Николай принимает свою судьбу:

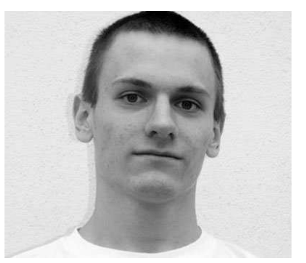
«Он нисколько не жалел, что так произошло. В письмах он мне писал: "Я буду здесь до того времени, пока не пойму все, что мне нужно понять". Мне понравилось, что он к этой отсидке относится как к некой школе жизни. Я пессимист. Он всегда был оптимистом, даже в самых черных для себя ситуациях он всегда видит плюс. То, что он не сломался, это точно».

А самое сложное в заключении для Николая - недостаток информации, говорит жена Валерия.

«Он был интернетаманом, без интернета он не начинал свой день. И теперь для него это очень тяжело - получать маленькими порциями информацию. Но очень хорошо, что до него доходит оппозиционная пресса».

На Николая Дедка очень сильное впечатление произвела акция солидарности, организованная Васьковичем, Сыромолотавым и Прокопенко, которых потом посадили за попытку поджога здания бобруйского КГБ. Большинство анархистов организовывали акции ненасильственного сопротивления, но ни одна из них не достигла своих целей, поэтому они стали действовать иначе, говорит Валерия:

«Половина анархистского движения была до такой степени запугана допросами, людям грозили реальные сроки, и здесь какие-то три человека, которых никто не знал даже из анархистского движения, делают акцию солидарности с нашими ребятами! Люди просто реально показали, что готовы идти на такие шаги, потому что иначе свой протест они выразить не могли. Атаки на репрессивные структуры всегда имели и будут иметь место».

Что касается действий анархистов, они всегда думают о последствиях, После их акций протеста никто из людей не пострадал, говорит Валерия Хотина.

перестаем плакать, не перестаем молиться. Это, конечно, горе...»

Одноклассник Игоря Александр поддерживает свою мать:

«Есть друзья, а есть настоящие друзья. Так вот Игорь относится именно к настоящим друзьям. Я его знаю с первого класса, всегда был самый надежный, самый лучший мой товарищ, на которого всегда можно было положиться. Он никогда не подводил, никогда не врал - не был двуличным, как большинство нынешних парней».

Когда Игорь учился в старших классах, увлекся историей, философией и физикой. Историей - больше всего, рассказала мать Валентина Олиневич:

«Учительница истории его очень выделяла и даже в шутку называла "яйцеголовым"- она считала, что Игорь очень талантливый парень».

Но своей специальностью Игорь выбрал не историю, а радиоэлектронику. Поступил в университет информатики и радиоэлектроники. Все каникулы падрабатывал на стройках - не хотел зависеть от родителей. На последнем же курсе, уже перед самой защитой диплома, бросил учебу и уехал на год работать на круизный лайнер в Карибском море, рассказывает Валентина:

«После того как вернулся с круизного лайнера, когда сбылись мечты, как прекрасно на Гаити и островах Карибского моря, в Мексике - это все он увидел, он понял, что жить нужно здесь. Игорь восстановился на учебе в университете и защитил диплом».

Вспоминает однокурсник Игоря Анатолий:

«Он очень целеустремленный. У нас специальность - инженер по радиоэлектронике. Наверное, из всей группы только он один работал по специальности. Сначала он работал на частном предприятии, достаточно успешно. Потом ушел на государственное предприятие. И в дальнейшем планировал работать в области электроники, что-то связанное с космосом».

Игорь работал в научно-производственном объединении «Пеленг», говорит мать Валентина:

«Работал непосредственно над созданием беларуско-российского спутника. Работа его очень интересовала, он ей очень дорожил. Когда понял, что ему грозит реальный срок, больше всего боялся, что потеряет квалификацию как специалист. Не о себе думал, а о своих родителях - как они это переживут, и о своей работе».

Высоко оценили квалификацию Олиневича и сотрудники «американки». Вот что написал Игорь в письме к сестре Екатерине:

«Когда уезжал на Володарку, начальник СИЗО пришел в камеру. Говорил про несправедливый приговор и предлагал остаться у них на привилегированных условиях - хакером работать.

Обещали ноутбук. Потом, когда отказался, предлагали в персонал обслуги пойти. Дешевые методы».

Литературовед Александр Федута, который сидел вместе с Олиневичем в «американке», уверен, что Игорь - идейный анархист:

«Он считает, что, к сожалению, государство остается инструментом насилия над свободой личности. Это человек, который читал Бакунина, Кропоткина. Слава богу, и мне пришлось читать Бакунина и Кропоткина, но все-таки в его возрасте больше приходилось цитировать и читать других классиков - Маркса и Энгельса. Но он читал именно их. Его интересует жизнь, его интересуют компьютеры, его интересует история, география».

Идеями анархизма Игорь заинтересовался еще в школе, говорит мама, Валентина:

«Он еще в школе писал реферат по истории, который назывался" Нестор Махно: мифы и легенды". Он очень много литературы прочитал. Уже после этого вышел в России многосерийный фильм о Махно. Но почему-то режиссер фильма до сих пор на свободе, а Игоря посадили именно за то, что он не отказался от идей. Он действительно разделял идеи анархистского движения».

Молодофронтовец Алесь Киркевич подтверждает:

«Меня удивляло, как Игорь в карантине Новополоцкой колонии доводил идеи анархизма всем, кто был рядом: даже алкоголикам и мелким хулиганам. "Кому ты это рассказываешь? Зачем им это?"- спрашивал я. "А что - лучше замкнуться в себе? Надо работать с тем, кто есть рядом!" - Настаивал Игорь. Такой веры и уверенности хватало не всякому проповеднику, а тут - пропагандист загадочного социального учения, о котором знали все, но о его сути - единицы».

Александр Федута говорит, что с Игорем Олиневичем было очень интересно и очень трудно спорить:

«Если можно сказать, что тюрьма в определенном смысле становится университетом, если учитывать, что университеты европейские всегда были местом для дискуссий, в нашей четвертой камере, которую мы называли "зеленая подводная лодка К-4", был настоящий дискуссионный клуб. И если недобитый марксист Федута и молодой и уверенный в своей правоте анархист Олиневич начинали спорить, все остальные наши соседи сидели и слушали».

Мать Игоря Валентина рассказывает:

«В последнем слове на суде он сказал, что в нашей стране могут осудить и дать реальный срок любому и каждому. «Меня

давление, но он не сдался».

Вторая жена отца, Надежда, которая считает его родным и очень им гордится:

«Он очень добрый и мягкий человек, именно с точки зрения качеств характера. Человек, от которого мы никогда не слышали никакого даже намека на ложь. Поэтому и не получилось ничего у спецслужб. Он даже допустить не может, что можно кого-то оболгать».

Что касается убеждений Николая и того, что его называют в прессе анархистом, его жена Валерия Хотина говорит:

«Да, он анархист. И на самом деле у анархистов. очень большой спектр идей и действий. Кто-то выбирает образовательные программы, кто-то выбирает "Еду вместо бомб", кто-то - просто походы на концерты, так называемые "лайф-стайл анархисты". Есть, конечно, и люди, которые руководствуются методами, прямого действия. Я говорю: да, он анархист, он придерживается каких-то идей. Но я считаю, что только он сам может рассказать, каких идей он придерживается».

С Николаем Дедком в тюрьме сотрудники спецслужб постоянно ведут воспитательную работу. Сначала дважды заставляли написать прошение о помиловании. 19 января к нему в колонию специально приезжали сотрудники Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД и заставляли отказаться от своих убеждений. Отец Дедка Александр убежден:

«В отношении политзаключенных ведется целенаправленная, согласованная работа по содержанию их в колониях до тех пор, пока они там будут нужны как некое средство, как заложники, в конечном счете для того, чтобы достигать каких-то политических целей. И дело анархистов, по ко-торому проходили мой сын, а также Олиневич и Францкевич, тоже дело политическое, созданное спецслужбами, чтобы решать какие-то политические задачи».

Молодофронтовец Алесь Киркевич сидел вместе с Николаем в СИЗО на Володарке.

«Мы много спорили: все-таки были прямыми оппонентами согласно любому учебнику политологии. Однако, как справедливо писал Довлатов, в заключении все «политические» держатся вместе, и только на воле или в эмиграции снова разбегаются по своим углам... Поразило глубокая интеллигентность, острый ум, необыкновенная

коллекторской компании, где исполнял обязанности журналиста, юриста и компьютерщика одновременно».

Жена Дедка Валерия Хотина рассказала, что познакомилась с будущим мужем в Украине в молодежном лагере. Микола сначала ей очень не понравился:

«Мы с ним сразу же вступили в какой-то спор, по которому у нас были совершенно разные, диаметрально противоположные точки зрения. Он мне потом рассказывал, что я ему тоже очень не понравилась, что я очень резкая, прямо говорю, что думаю. И где-то два с половиной года мы просто общались не как друзья, а как приятели, которые видят друг друга случайно раз в месяц, иногда переписываются в интернете. Но потом это изменилось. Когда и как - это нужно анализировать долго...»

В конце концов Валерия и Николай сняли квартиру и стали жить вместе.

«Для меня и него, и на то время не обязательно было жениться, чтобы любить друг друга или жить вместе. И я до сих пор считаю, что это процедура, которую придумало государство, чтобы ему было проще решать какие-то вопросы. И так оно и случилось, что мы просто были вынуждены вступить в брак, потому что иначе мы не смогли бы видеться».

Официально Валерия и Николай поженились в сентябре 2011 года в могилевской колонии. Валерия говорит, что вместе жить им и было, и будет, когда Николай выйдет, непросто, так как они оба с характерами, довольно упрямые люди:

«Он более такой аккуратный, по бытовым проблемам любит хлопотать. Я, наоборот, не люблю. Были у нас и такие схватки. Мне было тяжело в том плане, что он был всегда немного закрыт, не любил выносить свои проблемы, даже мне, близкому человеку, не хотел открываться. За год, который мы прожили вместе, я увидела большие изменения. Мы только начали друг к другу приспосабливаться! И вот сейчас этот разрыв... Оно, мне кажется, прибавит в будущем какие-то проблемы. Ведь у людей, находившихся в темнице, когда они выходят, совсем другое отношение к людям».

Пока тюрьма Николая не сломала. Напротив, закалила. Отец рассказал, что сын с 6 лет занимался восточными единоборствами, он очень силен физически. И в определенном плане этот спорт и духовно сформировал его.

«Меня вызывали дважды в наши спецслужбы и предлагали убедить его рассказать о чем-то, что якобы он знает, о каком-то деле каких-то анархистов. Сын проявил очень сильный характер, не оговорил ни себя, ни кого другого, хотя его очень упорно обрабатывали. С ним проводили "собеседования" по 8-12 часов ежедневно, оказывая психологическое

считают неким злым гением и осудили только за то, что я не отрицаю своей причастности к анархистскому движению. Как любое движение, и системной оппозиции, и несистемной, это движение было под пристальным наблюдением "органов". Любое тоталитарное государство наконец начинает искать врагов. А если их нет, оно искусственно их создает».

Однажды во время прогулки в американке Олиневич снежками написал на стене "Виват, анархия!" Трое в масках потребовали, чтобы он снял свитер и вытер надпись. Олиневич заявил, что сделает это, но не одеждой. За это его жестоко избили. В письме из тюрьмы к сестре Екатерине Игорь Олиневич описал издевательства в тюрьме:

«После Площади начался массовый пресс. В СИЗО нагнали карателей в масках. Постоянно ревели, регулярный шмон. Это подавляляет свободу. После Нового года избили трижды за неподчинение унизительным приказам. Инициатором этого "творчества" стал начальник СИЗО КГБ Орлов. Забрали телевизор, потом вернули, но крутили передачи о мистике, про чеченцев, жидомасонский сговор и прочее. Это сильно давило на психику, но смотреть обязательно... Заставляли голыми стоять на полу, приседать без цели, некоторых ложили прямо лицом. Но самое жестокое - бег с вещами и матрасом по коридорам и лестницам...»

О многочисленных нарушениях во время следствия и судебного процесса по делу анархистов правозащитники подготовили целый трактат и признали Олиневича, Дедка и Францкевича политзаключенными. А Беларуское телевидение показало о них целый обличительный фильм. Одноклассник Игоря Олиневича Александр возмущен методами БТ:

«Мы ролевыми играми занимались, реконструкцией - доспехи рыцарские средневековые делали. А то, что по БТ показали - мы делали ролик для игры, а БТ вырезало оттуда куски и представили, как бы там какие-то бандформирования неизвестно что производят. Хотя смысл был абсолютно другой, был и сайт по игре, и правила, и люди в эту игру играли, есть много фотографий. Это было такое "фэнтези", а переделали в неизвестно что».

Мать Игоря Олиневича убеждена, что ее сын по своим убеждениям не мог действовать насильственными методами, участвовать в поджогах и нападениях:

«Я в этом совершенно уверена, потому что знаю своего сына.

Игорь всегда отстаивал именно мирные акции, самоорганизацию в обществе. В день рождения Лукашенко он никогда бы не пошел с "коктейлем Молотова" делать ему такой подарок, нападая на российское посольство. Во-вторых, он человек абсолютно других взглядов - он интеллектуал. Можно было скрыть его в другой стране. Мы просто не верили, что до такого маразма дойдет ».

Даже в тюрьме Игорь интересуется новостями, болезненно реагирует на все события. Вот цитаты из письма к матери, датированного 26 декабря:

«А с украинскими феминистками поступили по-свински... Чем дальше развиваются события, тем очевиднее истерия в верхах. Аппарат все больше напоминает капризное дитя-переростка, которое разрушает все вокруг. Страх пронизывает вертикаль, но самые драконовские меры не помогут - только демонстрируют бессилие власти... В это непростое время именно солидарность позволяет людям оставаться людьми. Множество невидимых связей друг с другом, гласность и действия образуют силу. Кто молчит - тот побежден, придут в следующий раз и все заберут. Так уже было в нашей истории», - пишет Игорь Олиневич.

На вопрос матери бывшего политзаключенного Федора Мирзаянова Людмилы, может ли человек испытывать счастье в тюрьме, Игорь ответил: «Может. Тюрьма лишь укрепила мою веру в собственные силы. Какая формула счастья? Твердо стоять за принципы альтруизма и достоинства, справедливости и свободы, всесторонне развиваться по пирамиде Маслова и самореализовываться. Стремиться к гармонии социальных и индивидуальных устремлений...»

НИКОЛАЙ ДЕДОК

Николай Дедок родился 23 августа 1988 года в Брагине. Окончил юридический колледж БГУ. Поступил в Европейский гуманитарный университет на отделение политологии, учился заочно. Работал в коллекторской фирме. Был задержан 3 сентября 2010 года в качестве подозреваемого по делу о нападении на посольство Российской Федерации, но дело рассыпалось, и Николая обвинили в участии в несанкционированной акции у здания Генерального штаба. Ему было предъявлено обвинение по статье 339, части 2 Уголовного кодекса - хулиганство. 27 мая 2011 года Заводской суд Минска осудил Дедка на 4 с половиной года лишения свободы в колонии общего режима. Проходил по делу вместе с Игорем Олиневичем (который осужден на 8 лет) и Александром Францкевичем (3 года лишения свободы). Отбывает наказание в Могилевской колонии № 15. За решеткой женился. В октябре 2011 года Правозащитный центр «Вясна» и Белорусский Хельсинкский комитет признали Игоря Олиневича, Николая Дедка и Александра Францкевича политическими заключенными. Над Дедком взяла шефство депутат Европарламента, представитель Финляндии Сара Эсая.

Николай Дедок с детства мечтал стать юристом, как отец. После окончания юридического колледжа был зачислен на 3 курс юридического факультета БГУ. Но учиться там ему не понравилось, говорит отец Николая Александр:

"Он просто не принял ту форму образования, которая там была, ввиду того, что она полностью притесняет личность. Нельзя говорить, что он такой уж правдолюбец и искатель правды - нет. Но всегда очень остро воспринимал несправедливость. Покинув БГУ, он поступил в ЕГУ на отделение политологии, квалификация называется "политолог-юрист". Учился он очень хорошо, меньше 9 и 8 баллов у него не было отметок".

Причем Николай поступил на заочное отделение. Не хотел сидеть на шее у родителей, привык зарабатывать сам, говорит отец Николая Александр:

«Когда еще учился в школе, пытался где-то найти хоть какую-то подработку. После окончания колледжа он полгода работал судебным исполнителем в одном из судов Минска. Но ушел - говорит, государственная служба не для него. Потом работал в частной фирме, и у него до ареста была очень интересная работа. Он работал в